

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК
98 (35)

СБОРНИК
ПАМЯТИ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ • 1998

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О РАССЕЛЕНИИ ХАЗАР В КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Проблема ирано-хазарских отношений в VI в. пока не получила должного освещения в научной литературе из-за скудости соответствующей информации в источниках иранского происхождения. То, что нам сообщает об этом ат-Табари (X в.), черпавший сведения о доисламской истории Ирана из версий пехлевийской «Хвадай-намак» (VI в.), выявляет лишь отдельные контуры ирано-хазарских контактов, по которым очень сложно представить реальную картину отношений.

Между тем опущенная в «Хронике» ат-Табари (по причине отсутствия в первоисточнике?) информация о хазарах неожиданным образом заявляет о себе в пехлевийском трактате, арабский перевод которого мусульманский историк XI в. Ибн Мискавейх обозначил как отрывок из «Жизнеописания Ануширвана и способах его правления» и включил в текст своего знаменитого труда «Таджариб ал-умам» («Испытания народов»).¹

Именно благодаря переводу на арабский язык «Жизнеописание Ануширвана» дошло до нашего времени. Арабскую версию пехлевийского памятника перевел на французский М. Гриньяски с текстологическим и историческим комментариями.² В его переводе встречаются неточности и просто ошибки, обусловленные факсимильным изданием рукописного текста сочинения Ибн Мискавейха в начале XX в. Поэтому повторные обращения к арабскому тексту обязательны.

По косвенным данным (упоминание о характере пехлевийского памятника, приписываемого Хосрову I, в других источниках помимо Ибн Мискавейха) Гриньяски заключил, что первоначальное название трактата — «Кар-намак [«Книга деяний»] Ануширвана». Добавим от себя, что содержание пехлевийского сочинения действительно соответствует жанру «кар-намаков» сасанидских царей, хотя его название могло быть и несколько иным.

Сохранившуюся часть «Кар-намака» составили 12 рассказов о действиях Хосрова I в сложных (порой критических) ситуациях в сфере внутренней и внешней политики, то, как шаханпаш в самых трудных обстоятельствах находит единственно правильное решение.

Повествование в «Кар-намаке» ведется от первого лица, от имени самого Хосрова Ануширвана. Три рассказа (шестой, девятый и десятый) переносят читателя в атмосферу отношений Хосрова с хазарами, которых шаханшах называет также тюрками. В каждом рассказе воспроизводится один из эпизодов ирано-хазарских отношений, отделенных один от другого промежутком в несколько лет (550-е—начало 570-х гг.).

Первый рассказ (в «Кар-намаке» — шестой) начинается с изложения просьбы тюрков, обитающих в «Северном крае», принять их на военную службу к шаханшаху. Судя по обращению, на этот шаг их толкнул голод («потому, что нас постигла нужда»). Они готовы служить, если их обеспечат довольствием и предоставят земли в 'Ikn̄h, в Баланджаре и «той области» для кормления. В первом топониме Гриньяски видит Алкандж, т. е. Алванк, Албанию.³ Баланджар в последних исследованиях локализуется севернее Дербенда; согласно Ибн Хордадбеху, Баланджар построил Хосров Ануширван; в ином контексте у того же Ибн Хордадбеха Баланджар значитс одним из хазарских городов. Смысл выражения «та область» или «тот край» нам не совсем ясен.

В ответ на обращение «тюрков» шаханшах в сопровождении царской свиты и многочисленного войска совершает поход в район Дербенда; демонстрируя мощь войска и великолепие свиты, он одаривает подданных, дает местным правителям указание укрепить границы и только после того принимает хазарского (так в тексте) хакана с двухтысячной дружиной, размещает их в пограничной области, устраивает смотр хазарскому войску.

Суть действий Хосрова Ануширвана источник излагает кратко, но достаточно выразительно: «Я приказал выступить по дороге через Хамадан и Азербайджан. Когда я достиг Баб ас-Сула [т. е. Дербенда] и города Пероз-Хосрова, я приказал починить эти древние города и (укрепить) границы, повелел возводить другие крепости». Отвлекаясь от текста, вспомним, что именно на годы правления Хосрова I (531—579) приходится достройка дербендских стен — факт, засвидетельствованный пехлевийскими строительными надписями из Дербенда.⁴ Точная локализация Пероз-Хосрова неизвестна, но из контекста следует, что он расположен где-то на северной границе Кавказской Албании, как и Дербенд. Велик соблазн вслед за М. Гриньяски отождествить Пероз-Хосров с Пероз-Кавадом, который известен Моисею Каланкатуйскому, и арабским географам IX—XII вв. Но и локализация Пероз-Кавада тоже неопределенна. Арабские географы помещают Баб Фируз Кубад во вторую зону Армении, между Джурзаном и ал-Курром (по Йакуту) или между Сугдабилем и ал-Лакзом, т. е. страной лезгин (по Ибн Хордадбеху). Если учесть, что у Ибн Хаукала вместо Баб Фируз Кубада назван Баб Аллан (букв. «Аланские ворота»), то отождествление города с «Аланскими воротами» на северо-западе Кавказской Албании представляется вполне возможным. Но у Моисея Каланкатуйского Пероз-Кават (Перож-Кават, Перозапат) — крупный город, зимняя резиденция спарапета агван Дживаншира, т. е., скорее всего, Партав, административный центр Албании.

Если же название Пероз-Хосров возникло не в результате простого переименования города, основанного Кавадом, то

Пероз-Хосров безусловно следует искать где-то рядом с Дербендом, на одной из оборонительных линий, препятствующих проникновению в пределы Кавказской Албании с севера.

Если верить «Кар-намаку», появление в приграничье шаханшахского войска ускорило решение хазар перейти на службу к Хосрову Ануширвану: «Когда хакану хазар стало известно о нашем прибытии туда, он испугался, что мы пойдем на него войной. Он написал, что с тех пор, как я стал царем, он не переставал желать примирения со мной, что сочтет за счастье повиноваться мне. Некоторые из его военачальников, увидев его в таком состоянии, оставили его».

Хакан и 2 тысячи его соратников (алафайн мин асхāбихи) поселяются в «той области» рядом с иранскими всадниками. Шаханшах назначает им довольствие (ар-ризк), обязывает охранять те земли, на которых расселились хазары. Он приказывает построить там храм для зороастрийских жрецов, назначает в нем мобеда и «подвижников», т. е. магов. Жрецам дано указание внушать *тюркам* (так в тексте), принявшим иранское подданство, повиновение, «ибо через повиновение властям достигается скорая польза в этой жизни и воздаяние в жизни будущей». «Тюркам» следует прививать любовь к шаханшаху, справедливость, непримиримость к врагам державы, а молодежи помимо этого — иранские обычаи и иранскую веру.

В пограничной области шаханшах приказывает основать рынки (ал-асвāк), привести в порядок дороги.

Первый рассказ завершается упоминанием о смотре конного и пешего войска хазар, которым Хосров Ануширван остается доволен.

В рассказе отсутствуют указания на датировку событий. Косвенным путем они привязываются к тем или иным годам царствования Хосрова I, но разночтения в датировке могут составлять до десяти и более лет. М. Гриньяски пытается отождествить события, изложенные в «Кар-намаке», с походом Хосрова Ануширвана против гуннского племени кангарайе, о котором сообщает «Житие Мар Абы». Военная экспедиция имела место в 10 или 12 г. Хосрова I (т. е. в 540/541 или 542/543 г.).⁵ Но в нашем рассказе поход Ануширвана на север напоминает не столько военную кампанию, сколько инспекционную поездку, одну из многих, которые предпринимали сасанидские правители в заботах об укреплении границ и поддержании боеспособности армии. Значит, первую волну миграции хазар следует отодвинуть на более позднее время. Хотя о точной дате здесь говорить не приходится, есть основания отнести ее к 550-м—началу 560-х гг.⁶

К этому нас склоняет другой сюжет в «Кар-намаке». Содержание второго рассказа (в «Кар-намаке» — девятого) очень близко к содержанию первого, но отличается от него большей детализацией повествования и подробностями иного порядка. Уже в самом начале рассказчик (Хосров Ануширван) сообщает любопытнейшие сведения:

«В начале 37 года нашего царствования (оно приходится на июль 567 г. — А. К.) четыре подразделения тюрков из хазарской области, каждое во главе со своим царем,⁷ написали нам о том, что они терпят нужду, и из письма следует, что

они желают служить нам». Таким образом, мотив перехода в иранское подданство здесь тот же — нужда или голод. И тон хазарского послания скорее извинительный, нежели категоричный (в первом рассказе кочевники заявляют, что, если шаханшах не пойдет им навстречу, они вынуждены будут воевать с ним): «Они попросили, чтобы им было позволено вместе с их соратниками перейти к нам на службу и делать то, что мы им поручим; и чтобы мы не таили на них зла за то плохое, что они совершили еще до нашего царствования (т. е. до 531 г. — А. К.); чтобы они были расселены там же, где и прочие наши подданные; чтобы, привлекая их к войне или на другую службу, которые мы им определим, мы бы относились к ним, как к своим лучшим друзьям».

В этом тексте мы не найдем конкретных условий, на которых хазары готовы служить, но они легко восстанавливаются из отношения к «лучшим друзьям» (мин ахли насийхатинā): имеются в виду и земельные пожалования, и другие льготы за службу.

Положительно ответить на обращение «тюрков из хазарской области» шаханшаха вынуждают два обстоятельства: высокие боевые качества кочевого войска и возрастающая роль кочевников в ближневосточной политике. Оценивая их мужество, стойкость, выносливость, Хосров Ануширван опасается, что в случае отказа доведенные до отчаяния нуждой «тюрки» примут сторону традиционного врага Ирана, Византии, ибо «в прошлом кесарь нанимал их за деньги для войны с царями нашей земли»; они же, считает шаханшах, могут пойти на службу и к другим противникам Ирана.

Отвечив на послание согласием, Хосров I приказывает марзбану Дербенда (ал-Бāб) пропускать хазар через границу группами по мере их прибытия. Очевидно, таких групп было четыре (см. начало рассказа). Получив от марзбана известие о том, что «прибыло их уже 50 тысяч вместе с женами, детьми и слугами, и прибыло к нему (также) 3 тысячи их старшин (мин ру'аса'ихим) вместе с домашними, женами, детьми и слугами», шаханшах выехал на север в Азербайджан и устроил смотр войску.⁸ После смотра Хосров приказал разделить «тех тюрков» на 7 разрядов (мар'ятиб), поставил над ними начальников из их среды, определил им довольствие, пожаловал земли. В конце рассказа шаханшах сообщает о районах расселения новых подданных, выделяя Барджан,⁹ Аланию (би ал-лāн) и Азербайджан; в каждом из районов кочевники подчинены иранскому военачальнику, а все вместе — марзбану северных территорий Сасанидской державы.

Атрибуция первого топонима проблематична: местное название, вероятно, искажено автором пехлевийского текста или его арабским переводчиком. Вряд ли Барджан соответствует «великолепному городу Варачану» Моисея Каланкатуйского — хазарской столице к северу от Дербенда (арабские географы именуют ее Баланджаром). Из текста следует, что Барджан был расположен к югу от системы дербендских укреплений. В этой связи обращают на себя внимание три города в средневековом Мугане — Барзанд, Варсан и Баджарван, один из которых можно отождествить с Барджаном.¹⁰ Аланию, если это только не искаженное обозначение Аррана (Кавказской Албании), следует локализовать

в районе Дарьяльского ущелья, которое в отдельные периоды сасанидской истории находилось в зоне иранского владычества. Наконец, под Азербайджаном здесь подразумевается территория Иранского (иначе — Южного) Азербайджана, а в более отвлеченной географической номенклатуре сасанидской эпохи — северная четверть державы Сасанидов.

Ценность приведенных двух рассказов из «Книги деяний Ануширвана» состоит в том, что они более подробно характеризуют отношения сасанидского Ирана с его северными соседями (в данном случае — с хазарами), чем «всемирные хроники» мусульманской исторической традиции. Кроме того, они ясно указывают на два последовательных этапа миграции хазаров в северные пределы сасанидского государства, внося свою лепту в решение проблемы этногенеза Кавказской Албании в VI в., большая часть территории которой очерчивается современными границами Азербайджанской республики.

Третий рассказ (в «Кар-намаке» — десятый) — это реакция шаханшаха на письмо «великого хакана», в котором тот просит государя извинить его за вероломство в политике и молит о заступничестве и прощении; в доказательство своей верности хакан сообщает о прибытии к нему послов кесаря (византийского императора), просит у Хосрова разрешения их принять и обязуется действовать на переговорах только так, как велит ему шаханшах Ирана. В ответном письме Хосров Ануширван не принимает извинений и отказывается от сотрудничества с «тюрками». Он начинает укреплять пограничные города в Хорасане, посылает войскам продовольствие и фураж и велит им усилить бдительность.

М. Гриньяски считает, что этот сюжет в «Кар-намаке» воспроизводит события 571—572 гг., следовавшие за заключением договора Византии с западными тюрками в 569 г., а в «великом хакане» он видит ябгу-хагана западных тюрков — Истеми.¹¹ Но «тюрками» могли быть и хазары, большая часть которых осталась севернее Дербенда и которые проводили собственную политику в отношениях с могущественными соседями — сасанидским Ираном и Византией. В значительной мере такая политика позволила хазарам расширить территорию своего государства и распространить свое влияние на степи Северного Причерноморья.

Примечания

¹ The *Tajārib al-Umam* or History of Ibn Miskawayh reproduced in facsimile... by L. Caetani. Vol. 1 // E. J. W. Gibb Memorial. Leiden; London, 1909. Vol. 7, 1. P. 187—207.

² Grignaschi M. Quelques spécimens de la littérature sassanide conservés dans les bibliothèques d'Istanbul // *Journal Asiatique*. Paris, 1967. T. 254. Année 1966. P. 16—45.

³ Конъектура Гриньяски весьма зыбка. Заслуживает внимания гипотеза Г. Оразаева, который предположил, что неизвестный топоним мог быть искажением первоначального ал-Андж (древняя крепость в районе Махачкаль).

⁴ Пахомов Е. А. Пехлевийские надписи Дербента // *Известия Об-ва исследования и изучения Азербайджана*. Баку, 1929. Вып. 5, № 8; Нюберг Г. С. Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента // Там же. Новые чтения надписей с исправлением дат предложены В. Г. Луконым в 1969 г. и

С. Ю. Касумовой в 1979 г. По мнению археологов, ко времени Хосрова Ануширвана относится сооружение каменных стен Дербенда и горной стены (Хан-Магомедов С. Дербент. Горная стена. Аулы Табасарана. М., 1979. С. 20—26).

⁵ Первую из двух названных дат упоминает Н. В. Пигулевская, вторую — П. Пеетерс; М. Гриньяски принимает первую дату.

⁶ Это не могло случиться в 552 г., когда имело место расселение пленных барсил и хазар, захваченных Хосровом в Албании (см.: Джафаров Ю. Р. Гунны и Азербайджан. Баку, 1985. С. 94—96). Здесь (в рассказе) речь идет не о насильственном, а о добровольном расселении.

⁷ ва ли-кулли синфин минхум мулкун — «В каждом из их подразделений (есть) царь» (The *Tajārib al-Umam...* P. 198).

⁸ Перед сообщением о смотре Хосров упоминает о приеме им накануне послов соседних государств, в числе которых были послы кесаря и «великого хакана», послы правителей Индии, Давара, Кабулистана, Сарандиба и Келе, а также 29 удельных правителей Ираншахра (The *Tajārib al-Umam...* P. 200).

⁹ М. Гриньяски арабское слово прочел неверно — Мерв (Grignaschi M. *Quelques spécimens...* P. 24).

¹⁰ О них см.: Le Strange G. *The Lands of the Eastern Caliphate*. London, 1904. P. 175—176, карта III между с. 86 и 87.

¹¹ Grignaschi M. *Quelques spécimens...* P. 43—44.

A. I. Kolesnikov

THE NEW INFORMATION ON THE SETTLE OF KHAZARS IN CAUCASIAN ALBANIA

Three accounts on the relations between Sasanian Iran and Khazars during the reign of Khusro I (531—579 AD), preserved in Arabian version of the Pahlavi treatise «Karnamag-i Anoshirvan», are investigated in the article. Two of them contain the appeals of Khazarian *xākān* to Sasanian *šāhānšāh* for permission to settle his tribesmen in Iranian territory and to use them for boundary service. In both cases Khusro after studying of all circumstances complies with a request and settles the Khazars in nothern provinces of Sasanian empire.

The problems of dating of the Khazarian missions to Iran and localisation of their settlements in Caucasian Albania are put also under discussion.